

Л. Г. Тоноян

МОДАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ В УЧЕНИИ БОЭЦИЯ*

Проблемы модальной логики в «Комментариях на трактат Аристотеля “Об истолковании”»

Во втором комментарии на трактат Аристотеля «Об истолковании» Боэций почти целую книгу посвящает проблеме суждений о будущем, лишь кратко обрисованной Аристотелем в девятой главе трактата. Эта знаменитая глава, с которой многие исчисляют начало модальной логики, до сих пор остается источником самых разных толкований, ибо в ней Аристотель не дает исчерпывающего ответа на поставленные им вопросы.

«Завтра произойдет морское сражение» — один из известных всем логикам примеров Аристотеля. Высказывание это представлено в девятой главе трактата об «Истолковании», где Аристотель ставит вопрос об истинности и ложности единичных суждений о будущем. Если каждое утверждение либо отрицание, включая единичное суждение о будущем, является либо истинным, либо ложным, тогда будущее событие должно произойти либо не произойти с необходимостью. Это так называемый логический детерминизм. Ничто не может произойти случайно, все определяют либо свободный выбор, либо естественные причины. Если кто-нибудь, к примеру, скажет сегодня: «Завтра произойдет морское сражение», то это будет утверждение, следовательно оно будет по определению истинным, в случае если сражение действительно произойдет, и ложным — если сражения не будет. Проблема остается открытой на всем протяжении девятой главы. Аристотель перечисляет суждения, начиная с единичных суждений о настоящем и прошлом, переходит от них к общим суждениям и заканчивает рассмотрением единичных суждений о будущем. Говоря о последних, Аристотель обсуждает возможность таких суждений быть истинными или ложными: «Итак, относительно того, что есть и что стало, утверждение или отрицание необходимо должно быть истинным или ложным. Однако не так обстоит дело с единичным и с тем, что будет. Ибо если и здесь всякое утверждение и отрицание истинно или ложно, то необходимо, чтобы все было присуще или не присуще» [1, с. 99].

Боэций интерпретирует аристотелевскую схему аргументации следующим образом: если суждения о будущем могут быть, подобно суждениям о прошлом и настоящем, истинными либо ложными, тогда все должно происходить с необходимостью. Но подобное невозможно, следовательно первоначальное предположение неверно. Однако толкование Аристотеля Боэцием не сводится к выводу о том, что суждения о будущем не могут быть истинными или ложными. Боэций пишет, что подобным образом Аристотеля интерпретировали стоики, но они ошибались. Аристотель, согласно толкованию Боэция, утверждает, что о событии, которое может произойти в будущем, нельзя определенно (*definite*) сказать, истинно оно или ложно. Эту *неопределенность* нельзя считать лишь следствием человеческого невежества, скорее, это один из аспектов утверждений как таковых [2]. Ведь неопределенность можно трактовать как треть

* Исследование поддержано РГНФ, грант 11-03-00170а.

© Л. Г. Тоноян, 2012

логическое значение. Может быть, Боэций говорит здесь о возможной трехзначной логике? Мы уже показали, что «логический треугольник» Н. А. Васильева, предложившего «воображаемую» логику, можно обнаружить в трудах Боэция [3].

Особое внимание Боэций уделил проблеме употребления в девятой главе слова «определенный»: «Он [Аристотель] утверждает следующее: если любое утверждение/отрицание является истинным или ложным — подразумевая опущенное слово “определенно” — тогда оно с необходимостью есть или нет» [4, р. 839].

Написанный примерно в то же время Аммонием комментарий на трактат «Об истолковании» также содержит греческий термин «орисменус», определенный. Возможно, что и Боэций, и Аммоний воспользовались при написании своих трактатов ныне утраченным комментарием Александра Афродизийского. Фактически все поздние схоласты продолжали развивать предложенный Боэцием термин «определенный», хотя порой заменяли его схожим термином «установленный». Подобным образом поступали и мусульманские философы, комментировавшие «Об истолковании», например, Аль-Фараби и Аверроэс.

Так как невозможно точно определить, истинным или ложным будет единичное событие, которое должно произойти в будущем, то, по мнению Боэция, сохраняются роль случайности, а также свобода выбора результата.

К сожалению, нелегко понять, каким образом формулировка Боэция помогает решению проблемы. Возможно, говоря, что суждения о будущем не являются определенно истинными или ложными, Боэций предполагал, что они не являются истинными или ложными с необходимостью; тогда он просто рассматривает возражения, о которых предупреждает в своей книге Аристотель: мы не можем сказать ничего определенного об истинности или ложности утверждений, относящихся к событиям, которые, возможно, произойдут в будущем.

На всем протяжении боэциевского толкования аристотелевские доказательства того, что необходимость имеет равное случаю и обдумыванию влияние на события, а также того, что детерминизм делает бесполезной любую попытку людей что-либо изменить, повторяются и развиваются. Боэций также рассматривает еще одну тему, тесно связанную с предыдущей: тему совместимости божественного предвидения и свободной человеческой воли. Его аргументация по этому вопросу пока еще не очень содержательна. Боэций утверждает, что было бы неверно полагать, что Бог знает, что все события неизбежно произойдут, поскольку некоторые из них вовсе не являются обязательными. И, разумеется, было бы неверно считать, что Бог знает заранее о том, что никогда не случится. Как видно из комментария, Боэция более, чем других комментаторов, заинтересовала в трактате Аристотеля проблема модальных суждений. И это не случайно: тема судьбы, необходимости и случайности из всех тем греческой философии стала в римской философии одной из главных. Приведем для примера трактаты Цицерона «О дивинации» и «О судьбе», где широко обсуждается проблема свободы воли и божественного предвидения. Римские стоики, такие как Сенека и Марк Аврелий, считали наиболее важным из всего учения стоиков именно этику, центральным понятием которой была судьба. Это можно объяснить тем, что верховенство закона в Римской империи ограничивало личную свободу. Христианство, отрицая судьбу, со своей стороны актуализировало тему свободы воли. Августин и другие отцы латинской церкви также считали вопрос о соотношении свободной воли человека и божественного предвидения одной из главных проблем христианской философии. И если

Цицерон, признавая случайность, считает, что божественное предведение предполагает полную predeterminedность событий, то Августин в сочинении «О Граде Божием» доказывает ошибочность такого вывода [5]. Он показывает, что предвидение Божие не исключает ни случайности, ни свободы воли.

Поэтому Боэций испытывал неизменный интерес к модальным суждениям, в частности к суждениям о будущем, которые служат для выражения человеческого и божественного предвидения. К анализу необходимости и возможности он обращается не только во втором комментарии на трактат «Об истолковании», но и в трактате «О гипотетических силлогизмах». Но главное внимание этой логико-этической проблеме Боэций уделяет в пятой книге трактата «Утешение Философией». Здесь он вновь обращается к соотношениям между случаем, свободной волей, детерминизмом и божественным предвидением и подробно рассматривает вопрос о том, каким именно образом Бог может знать заранее то, что выбрано свободно.

А пока что отметим, что второй (расширенный) комментарий Боэция оказал большое влияние на средневековую традицию интерпретации девятой главы «Об истолковании».

Модальные суждения в трактате Боэция «О гипотетических силлогизмах»

Трактат «О гипотетических силлогизмах» — единственный античный труд, излагающий учение о гипотетических умозаключениях. Трактат до сих пор не переведен не только на русский, но и на английский и немецкий языки. То, что в нем Боэций основывается на других античных сочинениях, является не недостатком, а преимуществом этого труда, поскольку именно из данного трактата мы можем узнать некоторые положения стоиков и перипатетиков, труды которых не сохранились. В этом довольно обширном труде есть раздел, посвященный модальным суждениям, содержание которого мы сейчас кратко изложим [4, р. 839–840].

Простые, т. е. предикативные предложения могут излагаться без модуса или с модусом. Без модуса: *есть день*, *Сократ есть философ* и т. п. С модусом же излагаются так: *Сократ действительно (vere) есть философ*. Это «действительно» есть модус предложения; максимальное различие силлогизмов производят модусы необходимости и возможности, например: *необходимость — огню необходимо гореть*; *возможность — возможно (possibile est), греки победили троянцев*.

Всякое предложение обозначает либо «быть чем-либо», либо «быть чем-либо по необходимости», либо, если чего-либо нет, излагает, что это может случиться. То, которое обозначает «быть чем-либо», является простым и не может выводиться из других. Те же, которые обозначают, что что-либо происходит по необходимости, выражаются тремя способами: 1) *необходимо, что Сократ сидит, пока сидит (necesse esse Socratem sedere, dum sedet)*. Оно обладает тем же значением, что и *Сократ сидит*; 2) *человеку необходимо иметь сердце, пока он жив*. Этим обозначают следующее: не сколь угодно долго необходимо иметь сердце, а его необходимо иметь лишь столь долго, сколь долго будет жить тот, кто его имеет. 3) Третье обозначение необходимости — универсальное и собственное (т. е. когда мы утверждаем абсолютную необходимость, к примеру: *необходимо, что Бог бессмертен*), которое не ограничивается никаким условием и временем. Основанием деления необходимости на три вида служит у Боэция время.

Возможное тоже выражается тремя способами: 1) говорится, что возможно, потому что это существует: *возможно, Сократ сидит, пока сидит* (*possibile est Socratem sedere, dum sedet*); 2) говорится о том, что может случиться во всякое время, пока пребывает эта вещь: *возможно, что Сократ лежит*; 3) равным образом возможно, если что-то может случиться абсолютно во всякое время, как, например, *птице летать*.

Как видим, и здесь различие видов возможности определяется у Боэция временем.

Можно сравнить этот отрывок с соответствующим определением возможности у Аристотеля: «Быть возможным» употребляется в двояком смысле: в одном смысле возможно то, что обычно бывает, но не необходимо, как, например, то, что человек сидит, или полнеет, или худеет, или вообще то, что ему естественно присуще (ибо все это не связано с необходимостью, поскольку человек не вечно существует, но, если он существует, все это или необходимо, или обычно бывает). В другом смысле «быть возможным» означает нечто *неопределенное*, то, что может быть и так, и не так, например, что живое существо ходит или что в то время, как оно идет, происходит землетрясение, и вообще все происходящее случайно. Ведь по природе все это может *так* происходить не в большей мере, чем наоборот» [6, с. 143].

Из трех необходимых и из трех возможных одно предложение — простое, следовательно, остаются всего 5 различных предложений: 2 необходимых, 2 возможных и 1 простое. При этом одни из них утвердительные: *Сократ есть*, другие — отрицательные: *Сократ не есть*. Необходимым утвердительным противопоставляются два отрицательных, одно — противное (*contraria*), другое противопоставленное (*opposita*) — противоречащее. То есть для предложения «необходимо *a*» есть два противопоставления: «необходимо не *a*» и «не необходимо *a*». Первое отрицание контрарно утвердительному. Оба эти предложения могут быть ложными: *необходимо, что Сократ лежит* и *необходимо, что Сократ не лежит*. Когда Сократ лежит, то лежит не из необходимости, а когда не лежит, то тоже не из необходимости, и то и другое состояния возможны. А когда говорят «не необходимо *a*», получается отрицание утверждения, ибо одно всегда истинно, другое — всегда ложно.

В случайных (*contingentibus*) и возможных (*possibilibus*) предложениях — то же самое: утвердительному случайному предложению «случайно *a*» (*contingit esse a*) противостоят и «случайно не *a*», и «не случайно *a*». Предложения *Случайно, что Сократ сидит* и *Случайно, что Сократ не сидит* не могут быть контрарными, поскольку могут быть истинными. Противопоставляют на самом деле, когда говорят «не случайно *a*», т. е. когда отрицают саму случайность.

Итак, если в необходимом предложении отрицание добавляется к связке «быть», т. е. получается «необходимо не быть», то тем самым необходимым становится само отрицание. Если же отрицание ставится впереди необходимости, то получается в высшей степени противопоставление утверждению «не необходимо быть». Таким же образом в случайных предложениях, когда отрицание ставится впереди связки «быть», случайным становится отрицание: «случайно не быть *a*». Если же отрицание ставится впереди случайного предложения, то оно становится в высшей степени противостоящим утвердительному: «не случайно быть *a*».

А поскольку всякое предложение или общее (*всякий человек лежит*), или частное (*некий человек лежит*), или неопределенное (*человек лежит*), или единичное (*Сократ лежит*), то необходимо, как показано в учении о категорических силлогизмах, чтобы утверждалось общее, если отрицается частное, или, если отрицается общее, чтобы

утверждалось частное, а в случае единичных суждений одно утверждается, а другое отрицается. Этот вывод относится и к случайным, и к необходимым предложениям: если один говорит, «необходимо всякому *a* быть термином», а другой отрицает, говоря «не необходимо всякому *a* быть термином», то он делает отрицание опровергающим. А если говорят «случайно всякому *a* быть термином», опровергающим, контрадикторным отрицанием будет «не случайно всякому *a* быть термином». И в том, и в другом случае отрицание устраняет и модус, и обозначение общности.

Таким образом, Боэций, разработавший в двух своих трактатах логический квадрат для категорических суждений, рассматривает здесь квадрат модальных оппозиций.

Далее он переходит к сложным, т.е. в его терминологии гипотетическим (условным), суждениям. Они также излагаются с модусом *необходимо* или *случайно*, но в разговорной речи используются чаще с обозначением «быть чем-либо». При этом все эти предложения стремятся обладать **необходимым следствием**. Необходимость гипотетических предложений также выражается в следовании, к примеру: *Если Сократ сидит и жив, то не необходимо ему и сидеть, и быть живым, но Если Сократ сидит, то необходимо, что он жив* (*si Socrates sedet et vivit, neque sedere eum, neque vivere necesse est, sed, si sedet, vivere necesse est*).

А когда мы говорим: *Солнце движется и по необходимости идет к закату*, то это означает: если солнце движется, то идет к закату. Ибо необходимость предложения состоит в неизменности его следования. Равным образом, когда мы говорим: *Если возможно, что книга лежит, то возможно дойти до 3-й строчки*, сохраняется необходимость следования, т.е. если возможно книге лежать, то необходимо, чтобы было возможно дойти до 3-й строчки.

В указанном отрывке важно то, что Боэций определяет ключевое понятие логики — следование — в категориях необходимого и возможного. Из *a* следует *b* означает: когда есть *a*, то **необходимо** быть *b*. А доказывается эта необходимая связь предложенным Аристотелем способом — сведением к невозможному. При этом ложное отождествляется с **невозможным** (*impossibilitas*). Доказательство через невозможное строится так: если будет *a*, необходимо быть *b*. Предположим, что *b* нет, но при этом есть, если такое возможно, *a*; но сказано, что если есть *a*, необходимо признать *b*. Следовательно, мы установили, что *b* и будет, и не будет, что невозможно. Невозможно, значит, не быть *b* и при этом быть *a*.

Итак, в трактате «О гипотетических силлогизмах» Боэция мы встречаем тщательный логический анализ понятий необходимости, случайности и возможности.

Необходимость и случайность в «Утешении Философией» Боэция

Мы убедились в том, что тема условных суждений и единичных суждений о будущем всегда занимала Боэция. В «Утешении Философией» синтез логики, этики и теологии нашел наивысшее в его учении выражение.

Обратимся к пятой книге этого последнего произведения Боэция, в котором Философия разъясняет автору, т.е. Боэцию как герою его же сочинения, каким образом сохраняется свобода воли человека в условиях Божественного провидения.

В предыдущей четвертой книге Философия убедила Боэция в том, что провидение и судьба взаимосвязаны между собой: «...судьба предписываемая провидением на-

правляет относительно времени и места» [7, с.216]. Судьба относится к провидению, как время к вечности.

Наметив путь исцеления страдающего героя, она хотела идти дальше, но Боэций прерывает ее вопросом, признает ли она существование случая. Философия не хочет уклоняться от выбранного пути, но Боэций настаивает, говоря, что этот вопрос не дает ему покоя и он очень хочет услышать ответ на него. Обратим и мы внимание на эту настойчивость, которой подчинилась и сама Философия.

Итак, случай как событие, свершившееся в результате лишённого смысла движения, не вызванного рядом причин, не существует — отвечает она на вопрос Боэция. Еще древние считали, что ничто не происходит из ничего. Если Бог всем располагает, как может найтись место случаю? И что же тогда следует понимать под случайностью? — настаивает Боэций. Философия цитирует Аристотеля: «Когда что-нибудь предпринимается ради какого-либо результата, но по некоторым причинам получается нечто иное, — это и называется случаем» [7, с. 223], к примеру, некто, желая вскопать землю для посадки, находит в ней золотой клад. То есть случай — это не предвиденный человеком ряд причин, недостаточное знание причин. Тогда, если даже побуждения человеческой души связаны цепью причин, существует ли свобода воли? — спрашивает Боэций. Как мы понимаем, это центральный для верующего человека вопрос. Ни вера, ни надежда, ни мольба не имеют смысла, если все уже предрешиено. Философия отвечает решительно: свобода воли существует. Каждый, кто наделен разумом, обладает свободой. Бог — наивысшей свободой, человек — относительной: он более свободен, когда пребывает в созерцании божественного разума, и наиболее раб, когда, предавшись порокам, теряет власть над собственным рассудком. При этом ничто не уходит от ока провидения Всезнающего. Боэций вновь высказывает сомнение: если Бог предвидит все, то как существует свобода воли? Далее в книге следует пространное рассуждение от лица Боэция, в котором мы видим результат его долгих размышлений над понятиями необходимости и случайности. Если человек может отклониться от того, что было предвидено Богом, значит, Бог не всезнающ. Противоречие? Парадокс? Боэций не одобряет предложенные другими решения. «Они говорят: то, что должно произойти, осуществляется не оттого, что Провидение определило его к бытию в будущем, но скорее наоборот, то, что будет иметь место в будущем, не может быть скрыто от божественного Провидения» [7, с.225]. В этом объяснении, отмечает Боэций, связь ставится с ног на голову. Что здесь на самом деле причина, основание, и что — следствие? Боэций пытается разобраться и приводит такую аналогию: если кто-то сидит, и о нем выносятся суждение, что он сидит, то оно необходимо будет истинным. И наоборот, если суждение о том, что этот кто-то сидит, истинно, то он необходимо сидит. Необходимость имеется и там, и там. Но ведь кто-то сидит не потому, что суждение истинно, но суждение истинно потому, что кто-то сидит.

То же и в случае с предвидением события и самим событием: если оно произойдет, Бог может его предвидеть, но неверно то, что, если Бог его предвидел, то оно необходимо должно произойти.

Боэций придерживается здесь аристотелевской концепции истинности: истина есть необходимое соответствие знания и предмета этого знания. Провидение Бога — это необходимое знание того, что произойдет. А эта необходимость исключает появление непредвиденных для Бога событий. Так где же здесь место свободе воли, спрашивает вновь Боэций. Да, как указывает Аристотель, человек знает о будущем событии, что

оно либо произойдет, либо не произойдет, но это знание является для него неопределенным. Но для Провидения не может быть ничего неопределенного. А если признать, что все предопределяется Провидением, то тогда у человека нет свободы, а главное, нет связи с Богом: «Зачем надеяться на что-либо, или молиться, если все происходящее связано несокрушимой цепью?» [7, с. 227]. И если нет свободы, то зло неотлично от добра. Ведь каким бы ни был поступок, злым или добрым, он произошел по воле Провидения, а не человека, совершившего сей поступок. Боэций в этой главе очень ясно изложил проблему теодицеи, т. е. оправдания Бога. Если признать всеведение Бога, то он является виновником зла, что противоречит идее Всеблагого Бога. Но это парадокс лишь по видимости. Философия разрешает его следующим образом: она отмечает, что и Цицерон, и он сам, Боэций, неоднократно в своих долгих исканиях жаловались на трудность понимания провидения. Причина непонимания состоит в том, что они не различают божественное и человеческое предзнание, не видят ограниченности человеческих способов познания. Знак вещи не есть сущность вещи. Предзнание события не есть причина его возникновения. Необходимым событие становится только тогда, когда оно осуществляется.

Главный аргумент Философии заключается в том, что нужно изменить концепцию истинности: «Это заблуждение является следствием того неверного мнения, что полнота знания зависит от сущности и природы самого познаваемого, в то время как, напротив, она больше зависит от природы познающего» [7, с. 229].

Человек совершенно по-разному познает чувством, воображением и рассудком. При этом высший способ охватывает низшие, но низший не может подняться до высшего. «Чувство не в силах воспринимать ничего вне материи, и воображение не постигает общие виды, а рассудок не схватывает простоту форм, но божественный разум, как бы взирая сверху, воспринимает не только форму, но и судит о том, что за ней скрывается» [7, с. 230]. Философия призывает устремить ум к горней обители высшего разума, где он увидит, «каким образом то, что предопределено с неизбежностью к появлению в грядущем, божественный разум содержит в себе как определенное знание, которое является не предположением, но беспредельной простотой высшего знания» [7, с. 232]. Действительно, чем большие чудеса техники создает несовершенный человеческий разум в XXI в., тем лучше мы понимаем, насколько же более мощным должен быть Божественный разум, и какими способностями он может обладать.

По мнению всех разумных существ, пишет Боэций, Бог вечен. А в вечности нет времени, нет прошедшего, настоящего и будущего. Надо различать вечность Бога и беспрестанность мира. Вечность — состояние, в котором, кроме настоящего, нет ничего. Бог содержит в себе бесконечную протяженность прошлого и будущего и все обзревает, как если бы это все происходило в настоящем. Мы бы назвали такую бесконечность актуальной в отличие от потенциальной. «Итак, если ты желаешь понять изначальное бытие, которое все знает, более правильно будет его определить не как предзнание будущего, а как непогрешимое знание нескончаемого настоящего» [7, с. 234].

Такое предзнание лучше назвать не предвидением, а Провидением. И как человеческое созерцание настоящего не делает его необходимым, так и божественное прозрение не изменяет сущности вещей, которые для него всегда настоящи, но относительно времени — будущи. Философия добавляет, что одно и то же будущее, когда относится к божественному знанию, необходимо, когда же рассматривается относительно своей природы, оказывается свободным и независимым.

Дело в том, что существует два рода необходимости — простая и условная. Это деление известно Боэцию от Аристотеля. Выше, при анализе гипотетических силлогизмов, оно уже встречалось. Примеры простой необходимости: *люди смертны, Бог бессмертен* и т. п. Примеры условной необходимости: *Человек сейчас ходит* (но может перестать ходить, если захочет), *Человек жив, пока у него работает сердце* и т. д. Если простая необходимость основана на природе вещей, то вторая — на привходящих условиях. Необходимость второго рода условная, она не влечет за собой простой необходимости.

«Бог на то будущее, что зависит от свободы воли, смотрит как на существующее, но оно только относительно божественного видения является необходимым по условию природы божественного знания; рассмотренное же само по себе относительно своей природы, оно не теряет своей неограниченной природы. Без сомнения, будет существовать все, что Бог предзнает как будущее, но *кое-что* (курсив мой. — Л. Т.) из этого зависит от свободы воли» [7, с. 235].

Так, используя аристотелевское деление необходимости на два рода, Боэций решает проблему свободы воли: часть наших действий детерминирована нашей природой, а часть — произвольна, условно необходима. Вообще то, что у нас есть свобода воли, — данность, которая не требует доказательства. Но понимание того, как она осуществляется, занимало многие умы. Объяснение Философии может не удовлетворить тех, кто не верит в Божественный разум. Мы могли бы дополнить ее объяснение аналогией обыкновенного человеческого отца с Богом. Когда Бог наблюдает, Он не заставляет делать выбор. Так отец, дав ребенку свободу и присматривая за ним, может предугадать исход того или иного его выбора. При этом никакого фатализма в действиях ребенка нет. Если же отец заставляет почти насильно ребенка достичь поставленного результата, то уподобляется не Богу, а неотвратимому року. Бог, наблюдая, не ограничивает нашу свободу, но в отличие от человека Бог предвидит исход любого выбора. И случай, и свободный выбор вписаны во всеобщий порядок причин и следствий. «Получается, что всякое решение нашей свободной воли поступить так, а не иначе, является первопричиной некоторой цепочки вторичных следствий и причин. Оно является именно **первопричиной**, потому что само ни от каких причин не зависит. Но от него может зависеть многое» [5, с. 22].

В целом пятая глава «Утешения Философией» — убедительное свидетельство христианских взглядов Боэция и его попытки соединить античное и христианское мировоззрения, найти общее в них. Так, Боэций, как и Цицерон, признает наличие случая, но, в отличие от него, доказывает совместимость случая, свободы воли и божественного предвидения. В этом доказательстве ему помогают как христианская трактовка данной проблемы Августином Блаженным, так и логический анализ необходимости и случайности, усвоенный из трактатов Аристотеля.

Литература

1. *Аристотель. Об истолковании* // Аристотель. Соч.: в 4 т. М.: Наука, 1978. Т. 2. С. 91–116.
2. *Marenbon J. Early Medieval Philosophy. An Introduction.* London, 1983. P. 28–45.
3. *Тоноян Л. Г. Логический квадрат или логический треугольник: толкования Северина Боэция и Николая Васильева* // Современная логика: проблемы теории и истории. Материалы Международной конференции. Санкт-Петербург, 24–26 июня 2010 г. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2010. С. 128–131.

4. *Migne J. P.* Patrologiae cursus completus. P. Patrologia latina. Vol. 64. Paris, 1891. P. 839–840. URL: http://www.documentacatholicaomnia.eu/04z/z_0480-0524__Boethius._Severinus__De_Syllogismo_Hypothetico_Libri_Duo__MLT.pdf.html (дата обращения: 31.08.2011).

5. *Слинин Я. А.* Необходимость, случайность и свободная воля // Логико-философские штудии. СПб., 2008. Вып. 6. С. 18–27. URL: <http://ojs.philosophy.ru.ru/index.php/lphs/issue/view/2> (дата обращения: 31.08.2011).

6. *Аристотель.* Первая аналитика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Наука, 1978. С. 117–254.

7. *Бозций.* Утешение Философией // Бозций. Утешение Философией и другие трактаты. М.: Наука, 1996. С. 153–236.

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2011 г.